

Созвучие

19.10.2018

Виктор Мартинович: мой новый роман – гимн Короткевичу и Быкову

Яна Полещук

12 октября белорусский писатель Виктор Мартинович представил минской публике свою новую книгу – белорусскоязычный роман «Ночь». О гимне Короткевичу, нестрашном страхе и плоской Земле рассказывает автор в первой части интервью.

В этот день минская «Акадэмкніга» закрылась на два часа позже окончания пятничного рабочего дня, потому что за новой книгой Мартиновича, лаконично названной «Ночь», и автографом писателя в магазин пришло более двухсот человек. На улице образовалась внушительная очередь из тех, кому не хватило места в зале. В день автограф-сессии было продано 290 экземпляров романа, но некоторые читатели предусмотрительно покупали книгу заранее – продажи романа стартовали 10 октября. Многие из них научены горьким опытом: зачастую новинки Виктора Мартиновича быстро раскупаются. Один из ранних романов, радостно протянутый на встрече автору для подписи преданным читателем, вызвал неподдельное удивление Мартиновича.

Зная об искренней любви белорусского читателя к романам Виктора Мартиновича, побеседуем с автором о новой книге.

«Ноч» – роман о страхе»

Виктор, расскажите, пожалуйста, о чем ваш новый роман «Ноч»? В описании указано, что это философский роман, маскирующийся под жанровую литературу.

Новый роман, конечно, не жанровая литература, потому что она пишется по другим законам. Это похоже на Тарантино – ты смотришь фильм и не можешь понять, что это. Похоже и на «Робинзона Крузо» – есть история, но за этой историей много подтекста. В моем романе очень крепкий динамичный сюжет, перенасыщенный деталями – это на первый взгляд, взгляд человека, не интересующегося книгами. На взгляд человека чуть более глубокого – это роман, посвященный Геродоту, роман, который является балладой о Короткевиче, рассказывающий о Короткевиче широкому кругу читателей, которые могут чего-то не знать о нем. В котором масса интертекста, масса тезисов о том, что литература – это всегда глубже, чем фейковые новости, окружающие нас.

«Ноч» – роман о страхе, о том, что страх всегда затуманивает рассудок. Там, где мы мыслим монстров со свиными головами, на самом деле находится рационально объяснимое нечто. Надо просто раскрыть глаза, посмотреть страху в лицо. И ты увидишь, что ничего страшного нет. Как написала Мария Ровда (прим. ред. – белорусская писательница), груды мяса и немного стрельбы там тоже есть, просто потому, что я хочу, чтобы роман прочитали все. Поэтому, чтобы вовлечь читателя в философский разговор, нужно говорить на его, читателя, языке.

Но самое главное – роман о герое. У меня есть впечатление, что литература постмодернизма за очень редкими исключениями, такими как «Имя розы», например, была очень бледна и бедна на сильных героев. Герои постмодерна, в основе своей, либо играют в бисер чужих текстов, либо саркастически смеются.

Из-за этого подхода к реальности и в жизни появляются такие люди, которые на поступок не способны, которые только смеются, хихикают, дурачатся, а жизнь постоянно тебе подкидывает испытания. Она ждет, что ты себя вести при этом будешь, как человек. Текст, в том числе, про испытание. Про человеческое в человеке тоже.

А когда ты разоблачаешь свой страх, становится смешно или начинаешь меньше бояться?

Ты прозреваешь. В первой трети текста «Ночи» пересказаны все те вещи, о которых за последний год написали как о реально существующих. Концепцию плоской Земли я придумал и описал в этом романе до того, как появились сообщения о людях, верящих в то, что Земля плоская. То есть, когда я закончил работу над романом, который был начат в Цюрихе весной прошлого года, стал читать новости и увидел, что в Америке появилась секта людей, которые верят в плоскую Землю, у меня начала «подъезжать крыша», потому что ощущение было – вот оно. До такого абсурда должно было прийти, но я это сначала придумал. Потом все в конце концов объясняется очень рационально. Человек прозревает, понимает, что реальность объяснима рационально, не только фейковыми новостями и страхами.

«Переводчик – это самый главный человек»

«Ноч» написана на белорусском языке? Вы попеременно пишете свои книги то на белорусском, то на русском.

Она была замыслена на белорусском языке, но мне в настоящий момент пришлось так сильно вторгнуться в русский текст (русскоязычный перевод был сделан Лидией Михеевой), что теперь и русскую версию можно назвать авторской. Там есть масса моментов, которые с языка на язык не переводятся. Например, момент, когда главный герой встречается с дядечкой, который когда-то был чиновником и всю жизнь

разговаривал на русском, а когда произошел блэкаут, он не нашел для себя в этом новом мире места лучшего, чем торговец бражкой из бидона. Главный герой, кстати, библиотекарь, постоянно снабжает его книжками. Герой когда-то составлял библиотеки для богатых людей. Он накопил на этом много денег, потом обнаружил, что книги никому не нужны, стал беднеть, а потом случился блэкаут. И оказалось, что книги вновь всем нужны, потому что все гаджеты погасли. В итоге он сдает за новую валюту этого темного мира книжки в аренду, и торговцу брагой он постоянно дает белорусскую литературу, а тот пытается говорить с ним по-белорусски, путая слово «похва» (прим. ред. – внутренний женский половой орган) и слово «ныркі» (прим. ред. – почки). «Мне там похвы баляць». И как бы смешно, но это никак не переведешь. Пришлось такие моменты переписывать полностью.

На этапе перевода своих книг вы часто работаете с Виталем Рыжковым (прим. ред. – белорусский поэт, переводчик). Когда есть «свой» переводчик, это помогает выразить себя через его труд? Как это было с вашей предыдущей книгой «Озером радости», написанной на русском языке?

Я работаю только с Виталем, и я настолько ему доверяю, настолько его уважаю, что уговорил его в первый раз в жизни стать редактором большой книги (прим. ред. – «Ночи»). И он работал с текстом настолько точно, что в некоторых случаях словечки, которые я неделями вынашивал и так до них и не докопался, а читая редактуру, обнаруживал ровно на том месте, где они должны быть. При том, что вся структура фразы оставалась такой, как надо. Так что Виталь – крутой редактор.

В случае с романом «Озеро радости» он чуть больше вложил в авторский перевод, чем ожидали. Перевод получился довольно многогранным и оказался сложнее для прочтения, чем русский текст. Поэтому русский текст, стилистические нюансы русского языка, они, может быть, для русскоязычного человека проще прочитались бы на русском. Но Виталь очень долго работал с белорусским переводом, и я очень уважаю то, что он сделал, он молодец.

Он настолько увлекся романом, что создал дизайн обложки. Его оформление после сравнения с тремя другими профессиональными вариантами положено в основу. То есть обложку тоже сделал Виталь. Он многогранная личность.

Ваш первоочередный читатель все-таки живет в очень грустном мире билингвизма и, наверное, возможность работы с переводчиком, редактором, который тебя понимает...

... это самое главное. То же самое касается немецких текстов, английских текстов. Контакт с переводчиком очень важен. Переводчик – это главный человек, он важнее, чем агент, и даже важнее, чем редактор.

«Хочется, чтобы из голов европейцев исчезли клише»

На своем сайте вы сделали доступными электронные версии книг, что, скажем так, напрямую уменьшает ваш заработок. Это был осознанный шаг?

С онлайн-версиями книжками ситуация непонятна вообще никому. Как это работает, никто не понимает. Вот посмотрите, в России автор номер один по продажам – это мидл-писатель Виктор Пелевин (прим. ред. – речь идет о мидл-литературе, качественной литературе для среднего класса). Любой его роман стоит сотни тысяч долларов, очень дорогой текст. Но в

момент релиза, когда книжка появляется в продаже, она всегда оказывается одновременно с этим на Флибусте. Все его последние тексты я скачивал в день релиза с пиратских сайтов. Очевидно, у «Эксмо» и «АСТ» есть рычаги воздействия на пиратов, если бы им это было совсем не надо, они бы тексты убрали. Поэтому я в душе пират.

«Озеро радости» появилось на Флибусте примерно через три-четыре недели после появления его в продаже в Москве. Мне кажется, что это не подрывает продажи. Когда текст прочитывает сразу большое количество людей, в том числе в электронном виде, о тексте начинают говорить, соответственно начинают покупать и «бумагу». Самая худшая ситуация – когда текст прочитывают или покупают 500 книголюбов, чтобы взять автограф и потом о книге забыть.

Наша главная задача сейчас – вернуть человека к книге, заинтересовать человека книгой. Текст – это как тело и душа: душа – электронная версия, тело – «бумага». Если текст тебе понравился, ты захочешь иметь книжку. Но чтобы он тебе понравился, десяти прочитанных рецензий недостаточно. Нужно, чтобы ты его сам прочел. Есть такие тексты, которые просто «сворачивают башню», их хочется иметь в телесном виде.

Читая ваши книги, какой образ белоруса видит немец, швейцарец, любой другой иностранный читатель, как вы думаете?

Мне хочется, чтобы он подумал о белорусе примерно так же, как мы, думая о Колумбии Маркеса. Мне хочется, чтобы из голов европейцев исчезли определенные клише. Хочется быть гордым за страну.

«Ночь» – это просто гимн Короткевичу, гимн Быкову отчасти. Там к человеку приходит уставший многодневным переходом по темному миру шахтер, то есть человек, который зарабатывает на жизнь тем, что грабит квартиры, заброшенные гипермаркеты и прочее – то, что находится за стенкой благополучного города, где они живут. Он приходит и говорит: «Браток, посоветуй книгу такую, чтобы про ночь, про жизнь, про смерть по настоящему». А главный герой ему говорит: «Возьми “Сотникова” Быкова, вот она как раз про это». И объясняет, почему так.

Думаю, что любой читатель после «Ночи» захочет прогуляться по Грушевке, потому что это гимн Грушевке, гимн Минску. Это как с «Метро 2033» Глуховского и Москвой, например. Я читал эту книгу и думал, что в этом есть что-то архитипичное, любой человек захочет после этого съездить в Москву, посмотреть на метро. Мне кажется, нужно рассказывать про то, что у нас было, про то, что есть, таким образом, чтобы это по настоящему заинтересовывало.